

...Всякий, кто хоть немного «чувствует рок», наверняка имеет своих любимцев, будь то в «новой волне» или в тяжелом роке. Что касается меня, то я высоко ставлю группу «Дайр стрейтс» наряду с такими группами, как «Дип перл» и «Лед зеппелин», которые много сделали, делают, думаю, еще сделают и откроют в роке. Музыка, которую дарит «Дайр стрейтс», говорит сама за себя, говорит о мастерстве исполнителей, но совсем мало о них самих. Познакомиться с ними поближе будет интересно многим, тем более на страницах «Ровесника», так как музыка — один из источников воспитания подрастающего поколения.

В. С. Демян.
рядовой Советской Армии

Марк Нопфлер организовал «Дайр стрейтс» в 1977 году. С этого момента его сценический образ и его жизнь неизменно связаны с гитарой: Марк Нопфлер в студии — гитара в руках, Марк Нопфлер напряженно улыбается в объектив фотокамеры — гитара под мышкой, Марк Нопфлер отдыхает за кулисами концертного зала — гитара на коленях, руки бережно придерживают ее, чтобы не дай бог... Гитара — инструмент Нопфлера, с ее помощью он создает свои композиции, уходящие корнями в кантри-музыку и блюз. В те редкие моменты, когда Нопфлер не занят с «Дайр стрейтс», он пишет для кого-то другого: его попросили написать музыку к двум фильмам, он написал; его пригласили для записи альбомов Боб Дилан, Вэн Моррисон, Брайан Ферри и группа «Стили Дэн» — и он играл, записывал, спорил, опять играл, играл, играл... Знаменитая песня «Наемный танцор» Тины Тарнер тоже создание Нопфлера — он хотел подарить ей это произведение, но она настояла, чтобы на альбоме была отметка об авторских правах Марка. А он смущенно улыбался и говорил, что это такая чепуха, что он завтра напишет еще что-нибудь.

В свои 37 лет он не потерял детской восторженности и умения удивляться. Он может часами стоять у витрины музыкального магазина, рассматривая гитары, восхищенно цокая языком и теребя галстук: будто Марк Нопфлер никогда не видел гитары!

У Марка интересный голос — в первом альбоме группы, который вышел в 1978 году, его голос превращается в ожившее эхо солнечных блю-

зов хлопковых полей Юга США. Гармония голоса и гитары рисует лирическую картину встречи влюбленных («Ближе к воде»), а в композиции «Султаны свинга» воскрешает в памяти образы выдающихся джазменов прошлого. Музыканты «Дайр стрейтс» настолько виртуозны и даже изощренны, что слушателю кажется: эта музыка написана только для меня, для меня одного! И такое ощущение возникает у каждого, наверное, это и есть настоящее искусство...

Марк Нопфлер родился в 1949 году в Глазго, в Шотландии. Его отец, известный архитектор, венгр по происхождению, был вынужден покинуть родину в период фашистской диктатуры, во время второй мировой войны участвовал в антифашистском движении. Отец — это герой и кумир Марка. Из Шотландии семья перебралась на север Англии, в Ньюкасл. После окончания школы Марк работал репортером в маленькой газетке и одновременно учился в университете. В отличие от многих рок-звезд он его благополучно закончил и получил специальность преподавателя английского языка и литературы. Ему нравилась работа учителя, и некоторое время он читал лекции в колледже. В апреле 1977 года Марк вместе с младшим братом Дэвидом перебирается в Лондон, где знакомится с Джоном Айллсли, будущим бас-гитаристом «Дайр стрейтс». Чуть позже на горизонте появляется ударник Пикк Визер, и они становятся рок-группой.

Дэвид Нопфлер и Визер в конце концов покинули группу, и сейчас, перед очередным турне, она выглядит так: Марк Нопфлер — гитара, вокал; Джек Сонни — гитара; Гай Флетчер, Алан Кларк — клавишные; Крис Уайт — флейта и саксофон, Джон Айллсли — бас; Терри Уильямс — ударные.

Говорить о своей музыке Нопфлер не любит. Но отвечает на вопросы откровенно, честно, иногда замолкает, подыскивая слова. Он понимает — для нас это работа. Он умеет уважать чужую работу.

— Вы сейчас готовитесь к длительному турне. В чем заключается подготовка?

— Во-первых, непрерывные репетиции — мы оттачиваем звучание старых вещей, пробуем новые. Во-вторых, тренировки, настоящие спортивные

тренировки: я занимаюсь в гимнастическом зале, работаю со штангой — иначе нельзя, гастроли отнимают много сил, необходимо быть в форме, нельзя расслабляться и предаваться излишествам, в противном случае вы рискуете сойти с круга задолго до конца гастролей. Это работа, физическая работа, и к ней надо быть готовым. Некоторые думают, что музыкант — это какое-то эфемерное создание, живущее в райских кущах, они полагают, что мы отрешенно бродим по беломраморным дворцам, лениво пощипывая струны лиры или что там было у небожителей. В действительности мы вкальваем до седьмого пота, и если организм не подготовлен к такому труду, то нечего и думать об успехах.

Спорт привлекает меня еще и тем, что дает точность движений — качество для гитариста, на мой взгляд, одно из наиболее важных. Иногда мне кажется, что если бы я не стал музыкантом, то, возможно, из меня вышел бы приличный гонщик. А знаете почему? И на сцене, и на треке важно чувствовать меру и не позволить обстоятельствам дурачить тебя — я всегда твержу себе: не принимай желаемое за действительное, и... не принимаю. Это очень важно и в жизни.

— А вам не кажется, что такой прагматичный подход к творчеству делает его похожим на бизнес?

— Если считать искусство делом — а я воспринимаю его именно так, — то в таком подходе нет ничего заслуживающего порицания: дело есть дело, и все не относящееся к нему только портит его. Но отождествлять труд композитора и дровосека я тоже не стал бы: у нас с ним качественно иной подход к ремеслу, и результаты нашего труда находятся в разных категориях ценностей. А прагматизм... Видите ли, если бы мы не были прагматиками, успех раздавил бы нас — я знаю слишком много примеров. Пришлось сознательно собрать все силы и противостоять ему. Точнее, даже не противостоять, а направлять в иное русло — мы сами по себе, успех сам по себе. Причем все это происходило совершенно добровольно. Мы отказались сотрудничать с радиостанциями, хотя, если твои песни звучат по радио, это гарантия популярности. Но, на наш взгляд, в такой популярности есть элемент нравственного падения: мы не хо-

МАРК НОПФЛЕР: «ПРОТИВОСТОЯТЬ УСПЕХУ»

Кен ТАККЕР,
Дэвид ФРИКК,
американские
журналисты

тим, чтобы наша музыка звучала в одном ряду с убожеством «АС/ДС» или «Чип трик». Вот если наш слушатель сам поставит на проигрыватель нашу пластинку до или вслед за пластинкой «АС/ДС» — что ж, значит, такая нам цена. Значит, мы большего не заслужили. Но, повторяю, он сам делает свой выбор. Поэтому мы и сосредоточились на студийной работе. Если вы называете это прагматизмом, то я горд такой характеристикой нашего творчества.

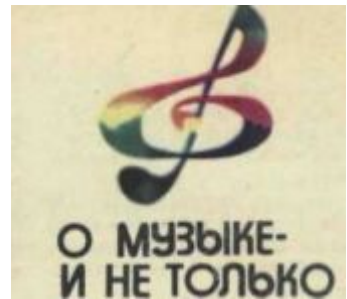
— Вы предполагали, что станете «суперзвездами»?

— Нет. Это просто побочный продукт популярности. Знаете, у обывателя образ парней с гитарами наперевес устойчиво ассоциируется со «сладкой жизнью», именно в

этом они и видят «суперзвездность». Лично я сладкой жизни не пробова, но что такое суперработа, знаю отлично. Я всегда хотел играть в рок-группе, писать музыку. Когда я учился в школе, все мои тетрадки были изрисованы гитарами. Я забегал в мастерскую и часами смотрел, как под рукой мастера кусок дерева превращается в гриф или корпус инструмента. Я до сих пор целаю эту дверь это чудо. Несколько лет я уговаривал отца купить мне гитару, и наконец он сдался, — на пятнадцатилетие я получил от него в подарок настоящий «стратокастер». Гитара стоила целых пятнадцать фунтов, по тем временам очень большие деньги.

— Имели ли ваши родители склонность к музыке?

— Отец неплохо играл на нескольких инструментах, любительно, конечно. Иногда они с матерью пели на два голоса: это бывало нечасто, на рождество или во время народных шотландских праздников. Когда мне исполнилось шесть лет, отец начал учить меня на фортепьяно и виолончели, но, помню, меня ужасно раздражали ноты: сначала я пытался провести его, и, глядя с умным видом в сборник этюдов, играл на слух, но, когда программа усложнилась, мое жульничество вскрылось, и оказалось, что я не знаю ни одной ноты... Потом я пару лет терзал саксофон, но так и не занялся нотной грамотой — мне представлялось это чем-то

недостижимым. Казалось, смысл этих таинственных точек и закорючек навсегда останется для меня загадкой.

И лишь совсем недавно я начал постигать тайну коварных знаков. Я научился из отдельных нот складывать аккорды — это оказалось так же увлекательно, как составлять из букв слоги, а из слогов — слова. Я вновь превратился в первоклассника: я стал слышать ноты! Мой «словарный запас» быстро вырос, я «читал» мелодии, как бывший неграмотный, разинув рот, читает надписи на стенах домов и афиши. И самое главное, я научился записывать свои мысли нотами!

— Как назывался ваш первый ансамбль?

— А у него не было никакого названия — школьная группа, каких в то время было великое множество. В одном нашем классе их было пять. Репетировали — мы так гордились этим делом, ре-пе-ти-ция! — дома, даже сыграли на нескольких школьных вечеринках.

После окончания университета меня пригласили в группу под названием «Брюэрз друп». Это уже было после моего переезда в Лондон. Я числился и их составе около двух месяцев, к затем ушел. Их музыка меня совершенно не трогала — они играли традиционный ритм-энд-блюз, но мелодии были такие сырые! К концу этих двух месяцев меня прямо-таки мучило от такой музыки. Но именно тогда я понял, что такое быть профессиональным музыкантом — мы успели дать несколько концертов в колледжах и в клубах. Нас даже пробова, но, помню, меня ужасно раздражали ноты: сначала я пытался провести его, и, глядя с умным видом в сборник этюдов, играл на слух, но, когда программа усложнилась, мое жульничество вскрылось, и оказалось, что я не знаю ни одной ноты... Потом я пару лет терзал саксофон, но так и не занялся нотной грамотой — мне представлялось это чем-то

После того как я ушел от них, дела пошли совсем плохо — я по несколько дней голодал, нечем было платить за квартиру. Не знаю, чем бы все это кончилось, но, к счастью, один провинциальный колледж откликнулся на мое предложение читать лекции, и меня взяли преподавателем

английской литературы. Там же я организовал группу «Кафе рэйсерс», мы играли в местных пабах и в «моем» колледже.

— Вы, кажется, работали репортером и некоторое время даже исполняли обязанности музыкального критика? О какой музыке вы писали?

— Рассказывал о местных знаменитостях, которых совершенно не знал и не хотел знать, рылся по каталогам и энциклопедиям, когда намечался приезд мировых знаменитостей — этих я знал прекрасно, но хотелось дать читателям как можно больше информации. Последний мой репортаж — о смерти Джими Хендрикса. Я сидел в своей каморке, ко мне влетел заведующий отделом новостей и затархтел: «Послушай, приятель, какой-то парень Джими Хендерсон, или Джон Хентерс, или черт его знает отдал богу душу. Слышал о таком? Совершенно нет времени, но чтоб через пятнадцать минут у меня на столе был материал, строк двадцать, двадцать пять!» У меня внутри все оборвалось. Что я там наворотил в материале... На следующий день меня уволили. А весь тот вечер я слушал пластинки Хендрикса и плакал как ребенок.

— Как случилось, что после окончания вашего учительствования и репортерства вы снова вернулись в музыку?

— Это произошло как-то само собой, я встретил подходящих ребят, и все завертелось с бешеной скоростью. Не было времени обдумывать происхождение — осуществлялось самое главное: я играл. Но если бы вы знали, каких это поначалу стоило трудов! Мы металась по всей стране в поисках ангажмента, получали его со всем не там, где предполагали, постоянно на перекладных — своего транспорта еще не было: автостопом, в кузове грузовика, в легковом автомобиле. Однажды даже ехали на катафалке. Представьте себе картину: ночь, метель, посреди этого воющего и плюющегося снегом ничего — четыре промерзших парня, прикованных к аппаратуре, как галерники к веслам. Теперь прибавьте ко всей этой прелести катафалк с покойником, и вы поймете, что на такое могут пойти только одержимые. А мы и были одержимыми. Но если ныть, жаловаться на неудобства, то вряд ли чего-нибудь добьешься.

— Ваш последний альбом

«Братья по оружию» музыкальные критики считают креном в упрощенчество. Возможно, это и не совсем так, но он заметно отличается от ваших предыдущих работ. Чем вы объясните подобную перемену? (Речь идет о более прямолинейных текстах. — Ред.)

— Может быть, в чем-то критики и правы, я не отрицаю, что раньше тексты были сложнее, многослойнее, что ли. Но такая усложненность не была самоцелью: видимо, на том этапе она соответствовала моему внутреннему настрою. Сейчас мне кажется, что более непосредственное обращение к слушателю поможет четче и яснее передать ему идею произведения. Иногда надо сказать просто и честно, что ты думаешь по тому или иному поводу. Но порой даже по добную прямоту и честность умудряются так вывернуть наизнанку, что никто не в состоянии отличить правду от лжи. Классический пример — «Рожденный в США» Брюса Спрингстина. Ну что может быть плохого или нечестного в любви к своему народу и к своей стране? Но, оказывается, все можно повернуть таким образом, что остается только руки развести. Рейган вцепился в этот альбом, назвал его символом сегодняшней Америки — видите, пока все нормально, потом он поставил этот символ на одну доску с другим — Рэмбо¹, и все пошло задом наперед. Теперь любой нормальный человек будет только плевать на этот альбом, раз он в одном ряду с Рэмбо. А жаль, Брюс впервые создал действительно стоящую вещь... Мне бы очень не хотелось очутиться в таком же положении.

— А вам не кажется, что в песне «Деньги ради ничего» слишком много откровенного сарказма?

¹ «Ровесник» писал об этом в № 6 за 1986 год. В песне «Рожденный в США» рассказывается о парне, отправленном воевать во Вьетнам и вернувшемся домой с искалеченной душой. Американская пропаганда истолковала эту песню как гимн ура-патриотизму. Рэмбо, «Ровесник» писал о нем в № 5 за 1986 год, — герой кинобоевиков, супермен, убивавший «красных» во Вьетнаме и продолжающий убивать «врагов Америки» во всем мире. — Здесь и далее прим. ред.

— Один музыкальный критик назвал эту вещь «ударом ниже пояса», может быть, он и прав. Но я хотел сказать, что человек при любых обстоятельствах должен оставаться человеком. Эта песня — обращение к эстетствующим юношам, рабам шелковых халатов и дорогих одеколонов. Они и в роке видят, хотят видеть «искусство ради искусства». Манерность в музыке, манерность в поведении, увлеченность модой — «модные молодые люди», кривляки. Они отворачиваются от реальной жизни, реальных проблем. Они снобы, причем самое смешное — снобы при рок-музыке, которая изначально была против всякого снобизма. А мы, рок-музыканты, мы-то как раз всегда крепко стояли на земле и знали, что нам может встретиться на пути. Об этом и песня, может быть, слишком в лоб, безжалостно. Но жизнь-то не пожалует таких молодых людей, она не красивая — жизнь. Она простая и тяжелая.

— «Дайр стрейтс» претерпели серьезное изменение состава, и, если связать это со всякими слухами, представляется, что вы деспотичный лидер...

— Таковым себя не считаю, и переубедить вам меня не удастся. Судите сами, если вы диктатор, то сто процентов вашего времени будет уходить на борьбу со скрытой оппозицией, тут уж не до музыки. Если же вы абсолютно безвольны, то вам моментально сядут на шею, и свои собственные сочинения вы сможете разве только насвистывать по утрам под душем. У «Дайр стрейтс» все не так (альбом «Братья по оружию» уже год возглавляет хит-парады США и Великобритании, ни разу не опустившись за это время ниже треть его места. — Прим. пер.), на верное, потому, что я золотая середина (смеется). А если серьезно, хотелось бы сбросить с себя административные обязанности и целиком отдаться творчеству. Что я понимаю под творчеством? Напрям, когда я написал песню и мы начинаем подгонять партию, мы, естественно, хотим, чтобы результат оказался таким, каким мы его себе представляем. Это одна сторона дела. Другая — когда не все идет ладно, у каждого свои дела дома, и все рвутся — и я в том числе — из студии. И вот в этот момент мы говорим себе: стоп! Заметьте, это говорю не

я, а мы, и остаемся репетировать до тех пор, пока не получится что-то более или менее похожее на желаемое. Это тоже творчество, даже более творчество, чем то, о чем я говорил вначале, потому что окопахнет потом.

— Кого из гитаристов вы бы выделили?

— Таких много. Но прежде всего Би Би Кинг². Его роль в развитии современной музыки огромна, а вклад в технику игры на гитаре неоценим. Треугольник — гитара, голос, публика — родился на его концертах. Именно он впервые стал отдавать гитаре партию голоса, гитара издала человеческий крик в нежных руках Кинга. И это был не вопль боли, а тонкий голосок новорожденного, которого приняла повивальная бабка-маэстро. Его гитара была очень чистой, возможно, мне это ближе и понятнее потому, что я сам как певец — категория вторичная, я стараюсь вложить голос в гитару.

— Вы признаны лучшим гитаристом 1985 года. Считаете ли вы свою игру безукоризненной?

— Мне не совсем понятен ваш вопрос, но попробую на него ответить. Видите ли, у меня с гитарой сложные взаимоотношения: стоит мне взять ее в руки, как начинается процесс нашего с ней взаимного обучения, она учится понимать мое настроение, а я — ее. Не так давно меня пригласил для записи альбома Чет Эткинс³ — он решил записать гитарные дуэты, причем в каждой паре у него был новый партнер. Никакой партитуры не было, все строилось на импровизации, именно это обстоятельство меня и привлекло больше всего. Какой же это восторг — играть импровизацию на заданную тему! Наша пара играла полчаса на репетиции — всего одна репетиция! — и потом восемь с половиной минут в студии во время записи. Какое наслаждение! Правда, рядом с Эткинсом будет звучать даже топорище, но дело не в этом, вернее, не только в этом. Я многому научился за эти тридцать восемь с половиной минут, может быть, даже большему, чем за всю предыдущую жизнь. Какие после этого могут быть рассуждения

² О Би Би Кинге «Ровесник» писал в № 8 за 1979 год.

³ Знаменитый американский джазовый гитарист.

о том, кто лучший гитарист, а кто хуже! А если хуже, то насколько? И как вы все это умудряетесь определять?!

— У вас бывало, что после выпуска какого-нибудь альбома начинали крутиться мысли типа: «Хорошо бы все переделать!»?

— Так бывает после каждого альбома. А что вас удивляет? Ни один из наших альбомов не удовлетворяет меня ни как автора, ни как музыканта. Знаете, самая хорошая музыка рождается, когда ты сидишь один, ни клочка нотной бумаги, все звукооператоры как по вымерли — ты тихонько перебираешь струны, и вдруг... Оно, то самое... Или как в случае с Эткинсом...

Я вообще не люблю слушать пластинки, ни чужие, ни в особенности свои. Предпочитаю магнитофон: когда я слушаю запись, мне легче абстрагироваться... Не знаю, как точнее

объяснить: видимо, вообще весь этот ажиотаж вокруг пластинок связан не с самими пластинками, а с тем, как они делаются, — звезды, продюсеры, интриги и тому подобное. Это накладывает отпечаток на восприятие музыки. Чем слушать пластинку с такими мыслями, я лучше пойду в самую глухую дыру и отдам свои уши на растерзание четырех-пяти юным варварам, которые высекают искры из мрачной аудитории где-нибудь в местном пабе. Помоему, это честнее, хоть и качеством хуже.

— Пресса сообщает, что вы одержимы работой, что вы лишаете себя элементарных человеческих радостей. И все же когда выдается свободное время?..

— Я такой же, как все, я самый обыкновенный. И люблю я то же самое, что другие. Люблю хорошо поесть и понежиться утром в постели,

люблю смотреть телевизор, особенно спортивные передачи. Вообще люблю смотреть на то, что красиво — от красивых картин до красивых женщин. Иногда, глядя в зеркало, люблю сам себе показать язык.

Но кет времени. И не только на это — порой некогда сменить перегоревшую лампочку в коридоре, так и спотыкаешься в потымахах. И еще я ужасно ленивый. Где-то внутри. И вот когда наступает блаженный миг счастья — последний раз это было, м-м, года два назад — и ты наконец довольный и томный валяешься на диване и тупо наблюдаешь за сложными перемещениями жены вокруг пылесоса, то самый близкий тебе человек вышвыривает тебя с дивана и начинает идиотскую уборку. Как любой нормальный мужчина, я тут же удираю из дома, и угадайте, куда иду? Ну, конечно,

но, в студию. Кстати, именно так и было положено начало альбому «Братья по оружию»: мы все женаты, а жены, наверное, договорились одновременно включить пылесосы.

— Как вы представляете свое будущее лет так через двадцать?

— Если повезет, то, может быть, я и не сойду к тому времени со сцены. Хотелось бы. Я был бы не против поиграть в небольших клубах, колледжах, как в самом начале. Там теснее связь с публикой. Может быть, я напишу такую вещь, что музыкальные критики промолчат, а все почувствуют, что это молчание от переполненности. Я хочу стать свидетелем молчания критики в мой адрес, такого молчания...

Перевел с английского
С. КАСТАЛЬСКИЙ